

Когда-нибудь «Кошкой поутру придавило» станет достойным оправданием всяческим опозданиям. Но это когда-нибудь. Шестая не была уверена, что доживет до этого времени. А пока что...

— Восьмая, я убью тебя!

Черная кошка — самая обычная, с гладкой шерсткой — душераздирающе зевнула и повернулась хвостом, тем самым демонстрируя свою позицию яснее ясного. Шестая покачала головой, пережидая искушение дернуть как следует за хвост эту мохнатую колбасу. Были времена, когда Восьмая охраняла Третью в своей кошачьей форме. И когда на них нападали, Третья за хвост швыряла кошку в противников. Та, конечно, трансформировалась в полете и убивала дерзнувших, но потом очень громко высказывала свое недовольство. Шестая считала это садизмом, ведь Восьмой наверняка больно, пока та, смеясь, не объяснила, что является все же химерой, а не обычной кошкой и хвост себе «делает» из волос. Такой сильной боли он не чувствует. Но все равно Шестая предпочитала швырять Восьмую, держа ее под лапами.

К хорошему быстро привыкаешь. Она привыкла ходить в школу, делать уроки, иногда дремать во время лекций, когда ночами внимание требовала к себе семья. Есть ramen с Шинву, играть в стрелялки с Ик-Ханом. Правда все еще отказывалась от предложений Суйи и Юны побродить по торговым центрам и посидеть в каком-нибудь кафе. Ей становилось не по себе в людных местах, слишком высокий уровень опасности, к тому же, все на нее глазели. Шестая категорически этого не понимала. Она же не фигуристая, как Третья, и не задиристая, умеющая себя преподнести Восьмая. В ней нет викторианского шарма Пятой и колдовского опасного очарования Двенадцатой. Почему тогда люди так на нее смотрят?! Что-то заподозрили? Она чем-то отличается? Но как ни оглядывала себя девушка, ничего обнаружить не могла. А девчонки только хихикали за ладошкой.

Но в остальном обычная жизнь была замечательной. Просто чудесной! Уборка, стирка, глажка, готовка, походы по магазинам, дружба... помимо домашних и социальных обязанностей, в мире было столько всего интересного! Например, открытые эмоции Шинву, который не стеснялся биться головой о компьютерный стол после очередного проигрыша Ик-Хану. Такое беззаботное проявление чувств, искреннее, неподдельное... завораживало. Заставляло улыбаться.

Третья сказала, что она стала спокойнее и свободнее. Может быть.

Труднее всего оказалось ассоциировать себя с новым именем, прирасти к нему, пожелать прирасти, вспомнить, что в детстве она была именно Тсунаеши, а не Шестой. К прошлому возврата нет, но почему бы не взять себе какое-нибудь одно официальное наименование, как Трес для Третьей? Для других, не для семьи. Для них — девушка не сомневалась — она навсегда останется малюткой-Шестой.

Тсуна... Тсунаеши... Имя мягкое, скользило по языку медом, но горчило нещадно полынью, отдавало горючими слезами, возвращало к сладким и одновременно болезненным воспоминаниям. Так звал ее юноша из снов, когда подкидывал в воздух раз за разом. Ее охранник, ее самый преданный, самый лучший друг. Кто он? Почему он так важен? Шестая помнила, как в самом начале экспериментов, в первый год, звала сначала маму и папу, а после

— его. Почему-то, прекратив звать родителей, разуверившись в их способности придти и забрать ее, она не перестала верить в него. Тогда он казался ей всемогущим божеством. Она звала его до последнего, а после — перестала. Когда поняла, что не помнит имени, когда короткая кома стерла его из памяти.

Из-за него отчасти она вернулась в этот мир в надежде отыскать друга детства. Лучшего. Единственного. С такими сильными, добрыми руками.

Дорога в школу занимала не больше десяти минут бега, а применить свои способности и попрыгать на большие расстояния днем Шестая не имела права. В этом мире Союз контролировал любые генетические улучшения человеческого тела и требовал регистрации с подробным описанием, а в Корее вдобавок существовала своя собственная организация по контролю и учету модификантов и сотрудничеству с Союзом, поэтому светиться таким образом не хотелось ни в коей мере. Хватит уже того, что она таскает в сумке пистолет.

Как бы ни хороша была ее физическая форма, и как бы она ни спешила, все равно опоздала. Ворота закрылись, а Педро всюду гонял нерадивых. Перед Шестой встал мучительный выбор. Она посмотрела на отдувающихся ребят, на забор, снова на ребят... Забор не такой уж высокий. А если перепрыгнуть с той стороны, где Педро не видит и слепое пятно для камер директора... один раз ведь можно? Ну, или не один, но директор никогда ничего не говорил. И прохожие не жаловались.

Почему-то именно такие маленькие шалости развлекали больше всего. Шестая не знала причины, но веселилась от души.

Женщина на коленях, сложившая руки перед могилой, выглядит воплощением скорби. Печаль заливает ее, заполняет, как трафарет, как вода — пустой фиал, грозит вот-вот перелиться горькими, мелкими слезами горя и отчаяния. Ее обветренные, пересохшие губы едва заметно шевелятся, беззвучно проговаривая слова молитвы за упокой души. И вьется тонкий дымок от длинных палочек в специальном стаканчике.

Шестая никогда не разбиралась в обрядах, не интересовалась ими больше, чем требовало задание. Сначала не хотела в пику ученым — хотя потом это могло обернуться риском на миссии, а после попросту не видела смысла. Лишь всплывало что-то туманное, душное, солнечное, из далекого-далекого детства.

Женщина сгорбилась, прислонилась лбом к холодному камню, а затем поднялась и, пошатываясь, направилась куда-то в сторону от родных могил, туда, где находились более давние и порядком заброшенные. Шестая следовала за ней на расстоянии.

Савада Нана превратилась почти в старуху, горе состарило ее.

Савада Тсунаеши. Савада Емитсу. Два могильных камня подле друг друга.

Шестая даже не знала, что у нее был брат. Старший, всего год разницы. Отец нагулял на стороне, даже назвал одинаково.

— Простите, — глаза у Наны блеклые, улыбка ломкая, хрупкая. — Не знаю, почему каждый раз прихожу сюда, — женщина покачала головой.

Шестая слабо улыбнулась в ответ. Она не хотела наткнуться на Нану, но что-то вело ее, толкало под руку.

— У этой девочки такое же имя, как у моего сына, — женщина провела пальцами по камню и сбросила травинку. — И родилась в тот же день. И погибла в пять лет. Знаете, в тот год мой сын как раз вернулся из больницы. Извините, что рассказываю это вам... Простите...

Она ушла, словно присутствие Шестой ей помешало, а девочке хотелось завывать, закричать от отчаяния. От невозможности спросить, обратиться к матери с полным правом, вывести о собственном прошлом, о погибшем отце.

Шестая и без того знала слишком много.

Ее похитили в пять лет, и Савада Емитсу стер память почти сошедшей с ума от горя жене. Но материнские инстинкты невозможно перебить, Нана чувствовала фальшь, ложь, поэтому... Ей внушили, что ее ребенок в больнице, что у нее мальчик, на год постарше. Это внушили всем в городе. А Саваде Тсунаеши с детства внушали, что мама болеет, но очень-очень ждет, когда выздоровеет и сможет наконец-то обнять его.

Встреча матери и сына состоялась. Нана обрела ребенка, Тсуна — мать. Причем он в самом деле верил, что является сыном Наны.

О девочке Тсуне все просто забыли.

Двенадцатая, доставшая эти сведения из крови Наны, смотрела с сочувствием, а Шестой казалось, будто она окаменела. Ей стало иррационально больно, что ее вот так просто стерли, не дав даже шанса на возвращение.

Емитсу лишь сделал фальшивую могилу, как будто знал, что не застанет ее визита. А спустя какое-то время они оба, вместе с сыном, погибли во время уничтожения последних потомков пламенной воли.

Шестая выдохнула. У нее есть семья, есть сестры и мама. Есть братья и даже питомцы. Есть дом, куда можно вернуться. Но все равно отчего-то самую малость больно.

Девочка развернулась и покинула кладбище, чтобы никогда больше не возвращаться.

В ту пору ею владело отчаяние, но теперь Шестая задалась закономерными вопросами. Мафиозные семьи, носителей пламенной воли, уничтожили пятнадцать лет назад. Это растянулось... кажется, года на два. Точно сказать невозможно. Даже Союзу пришлось постараться, чтобы общественность не возмущалась. Фальсификация документов, обвинения в опытах над людьми и прочее, прочее, прочее. А ведь здесь даже не существовало Эстрaneo!

Одиннадцать лет назад похитили ее, и мальчик Савада Тсунаеши вошел в жизнь Намимори. Емитсу оставался с семьей, ведь Вонголы больше не существовало, спешить было некуда. Они прожили еще пять лет, прежде чем обоих, и отца, и сына, уничтожили. Следов не было, и это указывало на Союз. Это, а еще косвенные признаки.

Почему Союз так долго ждал, когда безжалостно расправился с Джинглио Неро, Каваллоне и прочими? Почему именно с семьей Савада?

Нет, нет, надо перестать думать об этом. Она больше не Савада Тсунаеши, просто была слишком ошеломлена и подавлена в ту пору, ведь заглянула к матери вскоре после побега. Нет-нет, хватит. Прекратили. У нее теперь новая жизнь, где есть место только веселью и легким, незначительным проблемам.

Вонгола не имеет к ней ни малейшего отношения, а если расследовать ее гибель, то можно привлечь внимание Союза. Не то, чтобы она слишком уж боялась, но, возможно, ей придется бежать в другое измерение, а этого хотелось бы избежать по мере возможности.

— Тсуна! — с ревом раненного бизона и жалобой на мировую несправедливость в голосе к ней прорвался Хан Шинву. Встрепанный, вспотевший, с перекошенным пиджаком и неизменным пластырем на носу. — Ты куда пропала?!

Одноклассник плюхнулся на сиденье напротив, была как раз перемена перед уроком математики, которую вел мужчина-победитель-Терминаторов. Шестая сначала не поверила своим глазам, а после ничего так, как кошка с пылесосом, втянулась. Объяснял он доступно, так, что понял бы даже Шинву, если бы дал себе труд проснуться во время урока.

— В смысле?

Шинву подозрительно сощурил глаза, рядом ерзал от любопытства Ик-Хан, и даже Юна подтянулась, хотя во время коротких перемен предпочитала повторять домашнее задание.

— Я видел, как ты бежала к школе! Ты тоже опаздывала!

— Не понимаю, о чем ты, — хлопнула девушка ресничками, благо было, чем хлопать.

— В несознанку уходишь? — наклонился вперед Шинву, но глаза его весело блестели. Одноклассники прислушивались к перепалке со смешками.

— Не понимаю, о чем ты.

— Тогда я буду тебя пытаться, — встал парень в пафосную позу супергероя и злодейски расхохотался. — Раменом с чили! Много, много чили!

— Мне тройную порцию, пожалуйста, а то в столовой больше двойной не дают, как ни уговаривай.

Шинву быстро сдулся, выразительно скривился.

— Как ты вообще перевариваешь подобное?

— Так вкусно же!

— С тобой спорить бесполезно.

— Можешь не спорить.

— Благодарю за разрешение.

— Всегда пожалуйста.

Шинву в самом деле рассчитывал ее переговорить? Ее, воспитанную на вечных спорах языкастых Третьей, Пятой и Восьмой? Но попытки милые и занятные.

— Ладно, сейчас такую новость расскажу — закачаетесь! — Шинву уже оправился от воспитательных методов классного. — У нас студент по обмену. Сегодня опоздал, пришел уже после нас. Даже по-корейски не говорил.

— Ого! А ты что? — сунулся Ик-Хан.

Шинву пожал плечами.

— Проводил его к директору, и, знаете, тот рухнул перед ним на колени, как подкошенный! Чуть ли не руки ему целовал!

— Ой, да ладно тебе, Шинву! Врешь, как дышишь! — откликнулась какая-то одноклассница. — Быть такого не может, чтобы директор Ли...

— Точно-точно, быть не может! — поддержали ее другие, не менее влюбленные в красавчика-

блондина.

Шестая прикусила губу. Директор Ли на коленях? Он всегда выглядел так, словно сам поставит на колени целый мир одним изгибом брови. Английский лорд со страниц любовных романов, а эти его отлично скроенные костюмы... Не удивительно, что в него влюблена почти вся женская часть школы!

— Может... семья директора всегда служила семье новичка? — предположила Шестая и неуютно повела плечами на обращенные к ней многочисленные взгляды. — Ну, а что, многие придерживаются традиций прошлого.

О, ужас! Она породила новую волну сплетен. Одноклассники зашушукались, у некоторых девочек в глазах появилась романтическая дымка.

— Тсуна, за что? — смущенно засмеялся Ик-Хан. — Ты хоть представляешь, каким они теперь будут рисовать директора?

Ах, да, народное творчество! Маленькие портреты директора Ли передавались из класса в класс, особенно удачные даже продавались. Шестая видела парочку таких, не у всех художников имелся талант, но плюсики за старание они определенно заслужили.

Интересно, очень, очень интересно, как быстро распространится новость?

Определенно стоило попробовать такую жизнь, где самой страшной проблемой являлось недовольство директора или отказ мальчика встречаться. Где жаловались на родителей, на проваленные контрольные. А Шестая смотрела и понимала, какая же это на самом деле ерунда. Контрольную можно переписать, можно найти другого мальчика, а потому не следует даже париться. Лучше наслаждаться светлыми деньками, когда о тебе заботится кто-то другой, когда есть четкое расписание и стабильность.

Компьютерная система загружалась. Шестая по достоинству оценила данный метод ведения конспектов. Быстро, надежно, учитель не жалуется и можно в процессе еще выполнить пару-тройку собственных дел, попереписываться с семьей. Сейчас, после гибели Эстранео, способ перемещения между мирами сохранился только у них, техники перенастроили телефоны и ноутбуки, чтобы члены семьи имели возможность связаться друг с другом.

Восьмая жаловалась, что никто ее не понимает, а еще — что Альянс пытается натравить на нее откуда-то вынырнувшую семейку Шимон. Шимон натравливаться, после того, как узнали, с чем придется иметь дело, категорически отказывались. И даже Деймон Спейд, профессиональное трепло с многолетним опытом, не мог их убедить.

Эмо-угол в лице Восемнадцатой, таки выползшей из лабораторного подвала, советовал напасть первой. Желательно во главе Вари и с пьяным в стельку Занзасом. Мол, это будет пострашнее атомной войны для несчастных Шимон.

Третья как всегда просила пожалеть ребяташек, им по жизни досталось. Но если все же Восьмая будет их убивать, пусть лучше прячет трупы. А еще бесконечно жаловалась на то, что очередная экспериментальная бегония Восемнадцатой сжевала ее новые туфли.

Жизнь кипела и била ключом, Шестая еле сдерживалась от того, чтобы не захихикать, но Ик-Хан все же косился на нее удивленно. Но ведь так весело смотреть, как развиваются различные варианты одной и той же истории. Бьякуран, наверное, с ума сходит от стольких вариативных реальностей.

— Кадис Этрама Ди Рейзел.

Ее выдернуло из переписки внезапно, словно невидимый рыбак подсек удочку и захватил ее. Голос шелковым ветром скользнул по коже, заставив восторженно запищать девушек. Шестая сидела, оглушенная, напуганная, чувствуя, как колотится в ушах сердце, как комок не дает сглотнуть, а легкие отказываются перерабатывать кислород. Она задыхалась от страха, от подозрительности, от желания выхватить пистолет, чтобы защититься.

Стоящий у доски ученик был нереально, не-человечески красив. В нем не имелось полутонов: бледная, почти белая, как изогнутые лепестки лилий, кожа; волосы, стекающие потоками нефти, извивающиеся шелковыми змеями по плечам, черные, как самая глубокая, самая безлунная на свете ночь; глаза его впитали весь кармин мира, разбавили его старым вином, чтобы сделать чуть темнее, чуть более насыщенными и одновременно... тусклым, расслабленным. Интересно, способны ли они разгораться алым пламенем бездны?

Люди просто не могут быть такими идеальными. Он даже красивее директора Ли. И это пугало. Шестая привыкла не ждать ничего хорошего от тех, кто отличается, намного, сильно. Пусть весь ее опыт сводился к целям миссий и химерам, но все же...

Этот человек точно не может быть химерой. И одновременно его нельзя назвать человеком.

Тсуна ловко, практически незаметно придвинула к себе сумку, повернув стороной с пистолетом, пока одноклассницы восторженно пищали и растекались подтаявшим мороженым по стулу. Шинву, собиравшегося было подняться зачем-то, она осадила. Приятель смерил ее странным взглядом и молча сел, впервые не спрашивая, в чем дело.

Но интуиция молчала. Воспитанное сражениями чутье не подавало сигналов, а в комнате вдруг стало чуточку теплее.

Шестая прикрыла глаза. Она никому не рассказывала, что чувствует в своем мире вечную прохладу. Не критичную, не до льда в легких и венах, просто чуточку холодно. словно ждала солнца и жаркого лета, а вышла в зарождающуюся весну. Иногда казалось, ей не согреться, и она оттаивала по вечерам в мире Третьей, где тепло ложилось на кожу густыми мазками. Не часто, чтобы не пугать. Третья заволновалась бы, обследовала. К чему? Зачем? Менее склонный к панике Десятый объяснил, что, возможно, это последствие запечатывания пламени. Пробужденное, оно согревало, но если уйти в минус или не дать ему разливаться по

телу...

Однако сегодня Шестая впервые чуточку согрелась.

Новенький сел на единственное свободное место — возле распахнутого окна. Его движения еще больше убедили девушку в правильности выводов: ровная, уверенная, легкая походка. Как будто он скользил, не касаясь пола, и фигура его, гибкая и стройная, приковывала взгляд.

Обычные люди так просто не могут двигаться. Тренированные — да. Но и тогда заметно перетекание мышц. Новый ученик не испытывал ни малейшего затруднения, держал спину ровно, как дышал — легко и непринужденно.

Девушки головы чуть не свернули, пока учитель пытался призвать класс к порядку.

Он сел рядом, Шестая оказалась его ближайшей соседкой, потому как в свое время бодро отвоевала это место у Шинву, поспорившего, что она не съест пять порций специй в одной тарелке рамена.

Наивный смертный.

— Ран, у новенького нет учебника, поделись!

— Да, учитель, — неохотно отозвалась Тсунаеши, сдвигая парты.

Новенький удивленно посмотрел, дрогнула бровь-крыло, тонкая, изящная. Поневоле рядом с ним Шестая ощутила себя замарашкой, некрасивой, мелкой, невыразительной.

— Держи, сейчас мы здесь, — ткнула она пальцем в параграф.

Еле уловимое движение подбородком, немного напоминавшее кивок, стало ей ответом. Тсуна выпрямилась, устремила взгляд на учителя.

Добавить к списку странностей сладковато-свежий запах, присущий больше цветам с горных вершин, нежели людям. Без малейших ноток искусственности стиральных порошков. Конечно, она не такой нюхач, как Восьмая, но уж очевидное учуять способна.

Если представить, что каждого человека окружает поле определенного цвета, то у новенького был бы кроваво-красный, багряный. А у нее — каштановый и охровый с нотками солнца. Но эти два поля каким-то образом взаимодействовали. Переливались рядом, прощупывали друг дружку. Если прикрыть глаза, можно их почти увидеть. Шестая не совсем понимала, что к чему, но ее тревога проходила с каждой секундой, руки перестали подрагивать в предвкушении. Несмотря на панику, она готова была выстрелить.

Становилось теплее.

А новенький продолжал по-прежнему безучастно пялиться в окно. И Шестая мысленно ударила себя по голове. В этом мире полным-полно модификантов, но ни один из них не знает про нее. Она никому не нужна. Он здесь точно не по ее душе. Последнюю химеру, доставшуюся в наследство от Эстранео, они прикончили почти год назад.

Сейчас она обычная школьница, не самая выдающаяся. Разве что цвет волос яркий. Какая разница, зачем он пришел. Какая разница, кто он. Она просто не даст ему причинить вреда школьникам, остальное неважно.

Напряжение покинуло тело окончательно, а интуиция востроилась и выгнулась, как потягивающаяся кошечка. Ей было хорошо, ей было легко, и кто такая Шестая, чтобы игнорировать недвусмысленные сигналы чутья?

Поэтому девушка повернулась к неожиданному соседу, чтобы загладить свою вынужденную неучтивость. Все-таки вести себя подобным образом нехорошо, мамочка Третья была бы весьма недовольна.

Тот смотрел на нее, прямо, не пряча взгляд. Такое пристальное и безразличное внимание... Шестая прикусила губу, вопросительно подняла брови, но сосед уже отвернулся.

Винные глаза на мгновение отразили оранжево-золотые всполохи.

Если это модификант, то какой-то неправильный, наивный модификант.

Куда идет Шинву в обеденный перерыв? Правильно, в столовую! Зачем идет туда Шинву? Правильно, за ramen. И спешит каждого обратить в свою веру, что лапша с кусочками свинины производства школьной столовой — лучшая пища на Земле.

Ик-Хан с ним соглашался, а вот блюдо, получавшееся в результате у Шестой, ramen назвать, по мнению Шинву, нельзя. Скорее, перец-чили с добавками лапши и где-то там свининой.

Шестой часто говорили, что жалость ее погубит. Но новенький так недоуменно смотрел на палочки и тарелку. Кто знает, может, раньше он только вилкой и ложкой ел.

— Смотри, — девушка показала, как правильно разломить и взять палочки. — Кстати... ты не возражаешь, если я буду звать тебя просто Рейзел? Имя очень длинное.

Новенький кивнул. Он вообще казался закаменевшим, словно разучился двигаться толком, хотя на грацию это ни в малейшей степени не влияло. Молчаливый, невыразительно пустой, однако... как вообще человек может умудриться столько сказать одной мимикой? Вот сейчас он ее поблагодарил, но Шестая не поняла, откуда знает сей факт.

— А после делаешь вот так, — она показала, как именно нужно есть рамен.

Если честно, в школьной столовой готовили лучше, чем в некоторых кафе. Директор не поскупился на квалификацию обслуживающего персонала. Рамен, к примеру, получался жирным, сытным, с нежной лапшой и тающей на языке свиной.

Шестая поймала себя на том, что с интересом наблюдает за новеньким. За его любопытством, непониманием, отражающимся в глазах. За его попытками проследить за действиями остальных. Она смотрела и смотрела, теперь как никогда понимая Третью, ее добровольное желание принять на себя обязанности заместителя главы их маленькой семьи и мамочки по совместительству.

Было в новеньком что-то... трогательное, невинное. Как будто ребенок делает первые шаги. Шестая машинально ударила по рукам Шинву, который попробовал подсунуть Рейзелу кимчи. С острым следует играть осторожно.

Вообще, быстрая смена эмоций только слегка удивила, но не насторожила. Они никогда не медлили, либо записывали противника в угрозы, либо в не-угрозы и тогда оставляли в покое. Рейзел не утратил элегантности, даже не умея обращаться с длиннющей, уже разбухшей порцией лапшой, но... назвать его опасным как-то не поворачивался язык, и Шестой делалось искренне стыдно за свои ранние мысли. Кто знает, какие у него причины скрываться. Может, он в самом деле человек, просто очень и очень тренированный? Или природа собрала красоту со всего света и вложила ее в Рейзела, плеснув немного директору Ли. Может, он аристократ — сто процентов! — и его дрессировали с детства. Шестая клятвенно пообещала себе не рассказывать о собственных поспешных выводах семейке, иначе ее съедят шуточками. Как же, перепугалась, не определила сразу, не дала возможности себе даже толком обдумать варианты. Конечно, Третья выступит на ее стороне, но после будет тихонько и мягко отчитывать, а это почему-то еще более постыдно, чем ругань Десятого.

— Тсуна, ты доедать будешь? — Шинву обнаружил не оприходованную тарелку рамена.

— Точно, Тсуна! Ты же не съела почти ничего.

— Что-то не хочется.

— С такими-то физическими упражнениями поутру, — уколол рыжик. Шестая хмыкнула.

— Ну, да, я же — не ты, чтобы лентяйничать и получать от Педро. Бери, — пододвинула ему тарелку. — Приятного.

— Угусеньки, — дальнейшая речь Шинву сводилось к «омномном». — Мать же ж!

Парень распахнул рот и поскорее влил туда воду, а затем протянутый заботливой Юной сок, но даже не обратил внимания на поступок своей дамы сердца.

О, местные страсти и любовные интриги служили еще одним источником наслаждения в жизни Шестой. Пусть она умела «убавлять» зоркость и слух, они все равно были острее, чем у обычных людей. И от пересудов, кто с кем и когда встречается, нельзя было скрыться даже на крыше. Но Шестой это нравилось, она подставляла на место некоторых девочек Восьмую или Пятую. Стоило только представить стервозную Пятую, дающую прикурить всему Ордену в своем мире, смущенно лепечущей и краснеющей, как настроение поднималось, а изо рта рвался безудержный смех. Нет, в самом деле, Пятая и романтика -это даже не в разных плоскостях, это в разных вселенных.

— Ты все время забываешь, что это рамен Тсуны, — сочувственно похлопал страдальца по плечу Ик-Хан. И добавил Рейзелу: — никогда не ешь блюда, приготовленные или заказанные Тсуной. Иначе можно сжечь себе рот. И желудок.

Шестая против воли смущенно покраснела.

— На вкус и цвет, — пробормотала она и пододвинула Шинву еще и свой чай. Парень наконец-то залил пожар в глотке и без сил рухнул на стол.

— Пристрелите меня, — простонал он.

— Это без проблем сделает Педро, если узнает, что ты пропустил следующий урок.

Шинву подскочил, как ошпаренный.

<http://tl.rulate.ru/book/16503/332477>